

Я.В. КОСТЮКОВСКИЙ

ХАРАКТЕРИСТИКА ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Организованная преступность в современной России, унаследовав многие свои качества от феномена 90-х гг. XX в., развивается и приобретает новые качества, которые нуждаются в новых исследованиях. Возможно необходимо создание новой криминологической и социологической концепции, отражающей новые условия существования и природу организованной преступности XXI в.

Ключевые слова: организованная преступность, коррупция, преступная организация, экстремизм, беловоротничковая преступность

Говорить об организованной преступности в последние годы стало непросто по нескольким причинам. Во-первых, широко тиражируется медийное мнение о том, что бандиты ушли в прошлое, появился термин «лихие 90-е», криминальные войны отшумели, а теперь все заняты бизнесом и не более того. Во-вторых, открыто позиционировать себя гангстером (или же иметь такую известность) стало крайне немодно. Такое реноме ставит под удар бизнес и близких. Да и закрывает многие двери. Несколько попыток людей с откровенно криминальным прошлым занять общественные посты не увенчались большим успехом. Самую успешную карьеру сделал Владимир Викторович Николаев (кличка Винни-Пух), который с 2004-го по 2007 г. был мэром Владивостока. Впрочем, не только на Дальнем Востоке «лихие 90-е» еще не закончились. Для того чтобы проблема организованной преступности опять вошла в «повестку дня», потребовались вопиющие случаи в станице Кушевская, Гусь-Хрустальном, нескольких других регионах. Властные структуры опять заговорили об организованной преступности, причем тоном слегка удивленным и даже оскорбленным. Тот факт, что почти во всех городах России существуют преступные сообщества (той или иной степени организованности и масштаба), игнорируется. А это значит, что, несмотря на определенную закрытость, организованная преступность не просто существует по-прежнему, но и развивается и имеет неплохие перспективы для этого развития. В-третьих, говорить о ком бы то ни было как о представителе криминальных структур тоже стало «не модно». Преступная организация — не партия, не учреждение, членство в ней не оформляется, а стало быть, выводы о нем умозрительны, даже если известны буквально

всем. Известны случаи, когда оскорбленные подобным упоминанием подают в суд и даже выигрывают. Появился термин «авторитетный бизнесмен» для того, чтобы, не называя вещи своими именами дать понять, о чем идет речь. Из чего же «выросла» организованная преступность того образца, который в современной России представлен на сегодняшний день.

Дореволюционную (XIX — начало XX в.) преступность нельзя в полной мере определять как организованную, в том смысле, в котором это определение используется в современной социологии и криминологии. Тем не менее, основные группы, составившие впоследствии основу организованной преступности России, сложились именно тогда. Самая массовая группа преступников — бродяги. Частично это действительно были странствующие люди, не имеющие постоянного места проживания, зарабатывавшие себе на хлеб попрошайничеством и совершением мелких уголовных преступлений — краж, грабежей, мошенничества. Именно в этой среде зарождаются неписанные понятия и законы, определяющие стиль и правила жизни сообщества. В этой же группе складывается профессиональный язык преступников — феня. Уважаемые заключенные в местах лишения свободы до сих пор называются «бродягами». Объединения преступников, конечно, существовали уже тогда. Они носили артельный характер, но уже тогда были заложены основы того, что впоследствии стало основой жизни профессиональных преступников — места сбора и иногда проживания — «малины», общие кассы — «общаки», общий антисоциальный образ жизни, что формировало авторитет преступника, его влияние, криминализацию мест заключения. Складывается и еще одна важная особенность преступного мира, сохранившаяся до сих пор. Преступники окружают свой образ жизни многочисленными легендами, сказками, «правдивыми историями», появляется особая музыка («блатняк»), «тюремная лирика». Во всем этом творчестве правда причудливо перемешивается с вымыслом, так что отделить одно от другого практически невозможно. То же касается и разговоров с «блатными». Наврять «фраеру» (тому, кто не включен в преступный мир) считается за доблесть, поэтому любая, самая правдоподобная и очевидная информация подлежит проверке.

Вторая значимая группа — профессиональные преступники. В этот же период происходит довольно резкое профессиональное разделение преступников по профессиональной принадлежности. Насчитываются десятки специальностей воров, которые различались по виду

кражи (карманная или квартирная, совершенная на улице или на вокзале и т. п.), грабителей, налетчиков, взломщиков, мошенников, профессиональных игроков, фальшивомонетчиков, убийц и др. Преступный мир обрастает инфраструктурой: скупщиками краденого, содержателями притонов, наводчиками, информаторами и т. д. Возникают лидеры преступного мира — воры («воры в законе»).

Этот период можно назвать линейным развитием преступности. В России никогда не существовало единой мафиозной сети, никогда не было единых центров, штабов преступности. Воры, конечно, знали о существовании друг друга, клички, часто были знакомы лично, но преступные организации носили локальный характер или организовывались по принципу профессиональной (преступной) принадлежности. Преступность занимала свое место в ряду социальных институтов, имела свои правила существования и контролировалась правоохранительными органами. Конечно, это не значит, что не существовало коррупционных механизмов. Были и взятки, и двойные агенты, однако существовала линия водораздела, по одну сторону которой находился преступный мир, а по другую — те, кто с ним борется, занимается профилактикой и пенитенциарная система. Преступники не только позиционировали себя как нарушители закона, живущие по собственным законам, но часто демонстрировали это особым способом разговаривать, одеваться, специальными татуировками, которые отражали специальность, авторитет, особенности характера, количество, место и срок заключения и т. д. Существовали строгие запреты для истинных преступников на контакты с государством, невозможно было не только сотрудничество с правоохранительными органами, но и вообще контакты с какими бы то ни было государственными структурами и организациями. А настоящему вору не разрешалось даже состоять в браке, заниматься торговлей и обязательно следовало периодически садиться в тюрьму. В данном случае речь может идти о четко очерченном социальном феномене — преступности (с явными приметами организованности)¹. ***Преступный мир имел четкую позицию — антиобщественную, противопоставлял себя не только закону, но и правилам, по которым живет социум.***

---

¹ Подробная история развития российской организованной преступности: *Gilinskiy Y., Kostjukovsky Y. From Thievish Artel to Criminal Corporation: The History of Organised Crime in Russia / C. Fijnaut, L. Paoli (eds.) // Organised Crime in Europe: Concepts, Patterns and Control Policies in European Union and Beyond. Springer, 2004. Vol. 4. P. 181–202.*

Во времена Советского Союза борьба с уголовной преступностью велась весьма успешно. Профессиональные преступники все также занимались совершением преступлений. Однако к общеуголовной прибавилась еще одна разновидность преступности, которая ранее была слабо представлена на карте криминального мира — экономическая преступность. Речь идет о «цеховиках», которые по сути предоставляли услуги и товары населению, которое в них нуждалось крайне остро в условиях социалистического дефицита. Сращивания двух этих видов преступности не происходит, однако связь явно прослеживается. «Цеховики» платят налог (до 10 % дохода) в криминальные кассы — своеобразное разрешение заниматься бизнесом от криминальных авторитетов, плата за относительное спокойствие. Обращение же экономической преступности к легальному ресурсу выражается в коррупционных связях, иногда достигающих высот министерств и высших партийных органов, о чем свидетельствуют: «грузинское дело» (1971 г., обвинение в коррупции Василия Мжаванадзе, первого секретаря грузинского ЦК); «дело Полянского» (1976 г., обвинение в хищениях и приписках министра сельского хозяйства СССР Дмитрия Полянского); дело «Океан» (1978 г., директор магазина фирмы «Океан» Пруидзе арестован за передачу взятки заместителю министра Рытову); «икорное дело» (1981 г., схема контрабандных поставок черной икры за рубеж, к которой был причастен министр рыбного хозяйства СССР Александр Ишков и его заместители); дело Елисеевского гастронома (1982 г., директор гастронома № 1 Юрий Соколов был приговорен к расстрелу за взятки, хищения и валютные махинации); хлопковые дела (расследования 1983–1989 гг., многочисленные отдельные дела о коррупционных злоупотреблениях в высших эшелонах власти Узбекской ССР) и многие другие дела². Понятно, что изучая обстоятельства того или иного уголовного дела, можно прийти к выводу, что «чистых» уголовных дел почти не было (все они имели побочные цели дискредитации того или иного чиновника), а вся экономика советского образца была пронизана неформальными отношениями совсем небескорыстного характера. Однако заметим: вся эта деятельность не просто оставалась за рамками

---

² Гуров А. Профессиональная преступность: прошлое и настоящее. М., 1990; *Он же*. Красная мафия; Гуров А., Рябинин В. Исповедь вора в законе. М., 1995; Подлеских Г., Терешенок А. Воры в законе: бросок к власти. М., 1994; Разинкин В.С. «Воры в законе» и преступные кланы. М., 1995; Сидоров А. Великие битвы уголовного мира: история профессиональной преступности Советской России. В 2 кн. Ростов-н/Д, 1999; Чалидзе В. Уголовная Россия. М., 1990; и др.

закона, *она была уязвима для расследований и наказуема* (пусть и почти негласно и незаметно для граждан СССР). То есть *существовал барьер нарушения закона*.

Следующий виток развития организованной преступности приходится на конец 80-х — начало 90-х гг. XX в. Перестройка привела к социально-политическим изменениям в СССР и позже Российской Федерации. У населения появились новые возможности зарабатывания денег. Разрушались целые социальные институты, а вместе с ними и социальные сети, вместо них не всегда возникали новые, а возникающие часто имели совершенно иные качественные признаки. Государство оказалось не готово к самореформированию, а потому часто провоцировало нарушения закона. Слабость и противоречивость законодательства дополнялись неподготовленными, непрофессиональными решениями правительства. Уголовный мир, который является системой очень чувствительной к социальным переменам, а к тому же суперадаптивной, тоже изменился нелинейно. Возникли новые группы преступников, которых не устраивали сложившиеся правила, законы и порядки старого преступного мира. Бывшие спортсмены, бывшие военные (часто ветераны, принимавшие участие в вооруженных действиях), просто молодые люди, в большинстве своем никогда ранее не контактировавшие с уголовным миром, несудимые, активно включились в преступную деятельность. Бригады, объединяющие до 10 человек, быстро разрастались, вливались в ряды преступных сообществ, банальное вымогательство превращалось в «оказание услуг» в виде охраны и курирования (классический рэкет), налаживания новых связей, ведения переговоров, возврата долгов, привлечения инвестиций и др. Экономическая преступность, существовавшая в СССР, стремилась к легализации, курировавшие ее уголовные авторитеты старой формации также получали возможность стать бизнесменами, но денег перестало хватать на всех. Это стало причиной жестоких криминальных войн по всей России. Кроме того, государство не только не гарантировало, но, по сути, не предоставляло никаких возможностей социального лифта для слишком большого количества широких социальных групп. Бывшие спортсмены и бывшие военные — одни из самых незащищенных социальных групп. К началу 90-х гг. возникают тысячи групп (разной степени организации), основанных не на старых принципах существования уголовного мира, но так или иначе связанных с частным бизнесом. Поскольку частный бизнес в России всегда, с самого появления, связан с нарушениями закона, это облегчает до-

ступ к нему преступников. В России расцветает процесс отмывания денег, вначале просто заработанных в теневом секторе (укрытых от налогов), затем с появлением наркорынка, рынка оружия, краденых металлов, автомобилей и т.д. он принимает широчайшее распространение. Мизерные зарплаты с одной стороны и не виданные до тех пор возможности обогащения выталкивают государственных служащих и представителей правоохранительных органов в коррупционное поле. Приватизация государственных мест становится общепринятой практикой. Приобретение международных связей обусловлено решительностью, с которой российские преступники обустроивают свой бизнес в зарубежных странах, а также распадом СССР. Профессиональные преступники советских республик, оставшиеся на их территории, становятся иностранцами, но не утрачивают связи с бывшей метрополией, что также способствует интеграции российской организованной преступности в международные преступные синдикаты, а в России развиваются и ранее существовавшие этнические (и даже зарубежные) преступные сообщества. Воровской закон, до той поры непоколебимо охранявший моральный облик уважаемого преступника, также теряет позиции. Воры становятся богатыми (что ранее представить было просто невозможно), обрастают недвижимостью, фирмами, постами в деловых структурах, а часто и различными документами вроде депутатских мандатов³. Результатом вражды/сотрудничества различных видов преступности стала *более чем устойчивая организованная преступность, сочетающая в себе не только уголовный опыт предыдущих поколений, но и напор и инновативное мышление новых преступников и поддержку коррумпированных представителей государственных органов.*

Для развития организованной преступности в России не было толчка сильнее, чем социально-политические изменения 80–90-х гг. XX в. Россия приобрела возможность развития демократических ценностей и реформирования экономики. Однако для успешности этого процесса часто не хватало политической воли, профессионализма реформаторов. Например, многие зарубежные и отечественные исследователи считают, и небезосновательно, что основной импульс развития организованной преступности был дан горбачевской «борьбой

---

³ В 1992–2002 гг. проведена серия интервью с представителями преступных организаций Санкт-Петербурга, Москвы, Екатеринбургa и некоторых других городов, на основе которых написана и защищена диссертация по социологии. В статье используются данные этих интервью, а также более поздние интервью, 2003–2011 гг.

с пьянством», по аналогии с американским «сухим законом». Только в США расцвела контрабанда спиртного из соседних государств, а в России огромное распространение получила фальсификация алкогольной продукции. Переоценить доходность этого криминального бизнеса трудно — по оценкам независимых экспертов, прямые убытки российских и зарубежных производителей, владельцев товарных знаков превышают 1,5 милл долл/ в год⁴. Что же касается общего курса реформ, которые всегда и везде проходят сложно, с ошибками, перекосами, потерями, но главным их качеством остается отсутствие общего стратегического курса — какое политико-экономическое устройство должно стать их конечной целью. Развитие организованной преступности в таких условиях естественно, но часто предсказуемо и не является необратимым. Однако разрушение социальных связей в обществе, утрата веры в силу государства и закона, исчезновение поддержки со стороны государственных институтов (суда, правоохранительных органов, социально ориентированных служб и др.) приводит к тотальному аномическому состоянию социума. На фоне растущего социального расслоения нет социальных классов. При прогрессирующем частном бизнесе нет поддержки мелкого бизнеса, развивается только крупный, который в свою очередь давит мелкий. Возникновение среднего класса проблематично и в связи с деятельностью госкорпораций. При богатейших возможностях социального творчества и самоорганизации населения исчезает взаимное доверие. На фоне многочисленных деприваций локального характера и общемирового кризиса число (только официальных) долларовых миллиардеров в России за год выросло в 1,5 раза (2010–2011 гг.)⁵. Картина не меняется на протяжении довольно длительного периода времени, последних лет десяти. А в начале 90-х только начинает складываться рынок коррупционных услуг и связей, который впоследствии принимает лавинообразный характер. Организованная преступность, прежде занимавшая определенные ниши, теперь получает неограниченные возможности развития и вторжения в области ранее недоступные этому социальному институту, — экономику, бизнес, влияние на политику.

---

⁴ *Болатов А.С.* Противодействие и определяющие его факторы при расследовании преступлений по уголовным делам об обороте немаркированной и фальсифицированной алкогольной продукции // Вестник Московского ун-та МВД России. № 1. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2008. С. 80–83.

⁵ URL: <http://www.newsinfo.ru/news/2011-04-15/item/751656/> (15 апреля 2011).

Важнейшим этапом в развитии организованной преступности становятся «нулевые» годы XXI в. Общая информационно-медийная картина создает следующий пейзаж: гангстерские войны отгремели, последние преступники посажены, убиты, а оставшиеся занялись легальным бизнесом, криминал вернулся в привычные ему ниши — наркотики, проституция и общеуголовные преступления. На самом же деле места устранимых преступных сообществ, которые контролировали (крышевали) или же организовывали тот или иной вид криминального бизнеса, все чаще занимают те, кто с ними борется, — правоохранные структуры. Причем происходит это все чаще в комбинации с представителями бюрократии. В начале «нулевых» огромное распространение принимает явление «рейдерских» захватов, то есть отъем бизнеса у одного хозяина и передача другому, или же последующая распродажа активов. Этот процесс включает в себя не только силовые акции, но и тщательную проработку юридической стороны дела, а также сотрудничество с административными, властными и правоохранными органами. Коррупция охватывает все государственные органы и сферы от образования и медицины до армии и экономических ведомств. Видимая часть коррупции (например, деятельность дорожной полиции) известна почти всем, а о невидимой (например, откаты, кабинетная коррупция) можно судить по масштабам загородных и городских резиденций, стиле жизни российских чиновников⁶. Однако начавшая развиваться свобода слова («гласность») неожиданно приводит к тому, что практически никто не реагирует на печатное слово, а в самих СМИ прогрессирует самоцензура (в первую очередь в результате зависимости от финансовых источников, которые также принимают участие в коррупционных процессах). Результатом становится массовый отток читателя/зрителя в Интернет, куда также перетекает и журналистика. Проблема усиливается тем, что «сетевая» информация не гарантирует правдивости и оригинальности, часто непонятного авторства. Впрочем, на фоне существующих печатных изданий и телевидения (за редчайшими исключениями), потребитель информации мирится с тем, что происходит в Интернете. Реформы, модернизации парализуются вязкостью коррупционного поля, в котором проводятся. Организованная преступность все чаще встречается в виде срастания старого уголовного мира, преступников-бизнесменов

---

⁶ Гольберт В. В., Костюковский Я. В., Прокотьев В. Н. Экссесс коррупции. Иркутск: БГУЭП, 2006.

и представителей властных структур (будь то просто бюрократы или представители правоохранительных структур, властных или партийных органов) доходящих до таких высот, где какие-то расследования и разоблачения просто теряют смысл, потому что граничат с антигосударственной деятельностью.

Залог успеха развития организованной преступности в том, что практически нет инструмента, который можно было бы противопоставить этому развитию. Кроме того, общая идеологическая направленность на то, что с организованной преступностью покончено, приводит к тому, что требуется феномен эксцесса исполнителя (как это случилось в Кушевской) для того, чтобы понять, что «мафия бессмертна». А в дополнение к этому стоит напомнить, что заявления об успешной борьбе с организованной преступностью тут же дополнились убийством Вячеслава Иванькова — «Япончика» (2009 г.), покушением на Аслана Усояна — «Деда Хасана». Даже официальные СМИ стали говорить о войне в «воровском мире».

Возникают и новые ракурсы, в которых деятельность преступных организаций рассматривалась и исследовалась нечасто. Один из них — экстремизм. До 90-х гг. нет причин утверждать, что экстремистская и террористическая деятельность была связана с организованной преступностью. Изменение политической карты мира, открытие межгосударственных границ, процессы глобализации провоцируют развитие международных связей организованной преступности и террористических организаций. Возникает международный рынок «технических» специалистов, прежде всего наемных убийц. Организованные преступные сообщества развивают и укрупняют бизнес в сфере наркоторговли, торговли оружием и вооружениями. Террористические организации все чаще вступают в контакт с организованной преступностью как клиенты. Мафиози, в свою очередь, пользуются услугами террористов и экстремистов, прежде всего как силовых структур. Таким образом, возникает поле, на котором интересы террористов и организованной преступности пересекаются. Здесь можно упомянуть и контрабанду, и торговлю людьми, и операции по отмыванию денег, и т. д.

Однако нельзя не упомянуть, что окончательные цели у организованной преступности и террористов различны. Организованная преступность сама по себе не является политической силой, даже несмотря на то, что способна оказывать огромное влияние на политику. Мафия готова финансировать практически любой политический режим или партию, способную обеспечить ей безопасность и извлечение супер-

прибылей. Так как это и является окончательной целью организованной преступности. Террористы борются с государственной машиной и стремятся к созданию нестабильности на территории, которую считают целью своих атак. Нестабильность региона может быть выгодна и для организованной преступности при определенных обстоятельствах. Однако гораздо чаще мафия является инструментом и механизмом социального контроля, определяющим уровень преступности. По некоторым данным, каждый 4-й житель, взрослый мужчина в России, имеет опыт тюремного заключения⁷. В некоторых регионах, в малых городах, этот процент так высок, что представители организованной преступности — практически единственная сила, способная поддерживать порядок на этих территориях. Вышеизложенное не означает, что организованная преступность — это инструмент, которым можно бороться с экстремизмом. Скорее это два вектора, направленные далеко не параллельно.

Описываемый феномен в своем развитии приближается по определению к концепту, предложенному Эдвином Сазерлендом в 1945 г.⁸ и получившему впоследствии широчайшее использование. Речь о беловоротничковой преступности — виде преступности, выделение которого осуществляется по признаку принадлежности преступника к числу лиц, выступающих в роли представителей государства, бизнеса, должностных лиц и чиновников. Также беловоротничковой преступностью называется фиктивная экономика (которая является частью неформальной, теневой экономики), под которой подразумевают незаконную деятельность занятых в официальной экономике агентов, связанную со скрытым перераспределением легальных доходов. К данному типу преступлений относят мошенничество в сфере экономики, коррупцию, промышленный шпионаж, уклонение от уплаты налогов, ложные банкротства и другие. Среди всех видов преступлений этот, возможно, наносит наибольший экономический ущерб современному обществу, наиболее латентен и наименее заметен с точки зрения общественного мнения и медийной картины. В современной России именно этот вид преступности получил широчайшее распространение. Тем не менее, невозможно ограничиться мнением, что гангстерская преступность трансформировалась в беловоротничковую. Во-первых,

---

⁷ URL: <http://www.mhg.ru/publications/1D561FD> (10 октября 2010)

⁸ *Sutherland E.H.* Is "White Collar Crime" Crime? // *American Sociological Review*. 1945. Issue 10. P. 132–139.

на территории России до сих пор есть регионы, где взаимоотношения криминала и бизнеса выстроены по старой (90-х гг.) схеме. Во-вторых, кабинетная преступность (а это и есть суть беловоротничковой) часто имеет силовую поддержку, а это выводит ее за рамки определения Сазерленда. В-третьих, речь идет все-таки о преступности, а не об общепринятой практике, пусть даже и негласной (например в IT сфере). В 1996–1999 гг. откаты, по информации Ольги Усковой, главы Национальной ассоциации инноваций и развития информационных технологий (НАИРИТ), составляли в среднем 10 % суммы контракта, в 1999–2003 гг. — 20 %, в 2003–2005 гг. — 35 %, в 2005–2008 гг. — 40 %, в 2008–2009 гг. — 60 %, в 2009–2010 гг. — 70 %⁹; на рынке страхования строительно-монтажных работ в 2010 г. откаты достигли 80 %¹⁰, за получение кредита в банке — 15 %¹¹ и т. д.). Цифры эти не секретные, добыть их несложно в Интернете, если же требуется более точная информация, то на рынке представлено достаточное число консультантов, которые обладают полной информацией и технологией процесса.

Видимо, дело не только и столько в создании «правильной» идеологии. Как относиться к организованной преступности с гражданской позиции, известно всем. Возможно, более продуктивными являются серьезное исследование и последующие действия государства (профилактика и/или борьба). Естественно встает вопрос об инструменте для этих действий. В 2008 г. Указом Президента РФ были расформированы УБОПы¹². Это подразделение просуществовало почти 20 лет и являлось основным в борьбе с организованной преступностью. В прессе накоплено немало свидетельств криминализации УБОПа, связи с организованной преступностью, однако после его роспуска функцию никто не унаследовал. Текущая ситуация, видимо, все-таки требует создания подразделения, которое могло бы справляться с противостоянием организованной преступности, адекватно оценивая ее новые качества. Воссоздания УБОПа уже мало, необходимо новое подразделение, новые специалисты, новые подходы к работе.

Современная организованная преступность — сложный конгломерат симбиотического существования административно-властных органов, правоохранительной системы, бизнеса и экономических

⁹ URL: <http://www.marker.ru/news/450> (10 июня, 2011).

¹⁰ URL: <http://realty.newsru.com/article/24sep2010/strahotkaty> (10 июня, 2011).

¹¹ URL: http://www.dp.ru/a/2011/05/24/Otkat_za_poluchenie_kredit/commentblock

¹² Управление по борьбе с организованной преступностью, региональный вариант — РУБОП.

структур с традиционными формами и формациями криминальными активности. И может быть, в этом нет социальной трагедии? Может быть, это и есть та форма государства, которая обеспечит существование России? Тем более, что для тех, кто определяет направление развития отечественного бизнеса и экономики, такое положение дел часто гораздо выгоднее, а его изменение чревато потрясениями, в том числе и социального характера. Но тогда необходима политическая воля, способная обосновать и определить *этот* курс развития. А пока отношение государства к процессам, происходящим в стране, иллюстрирует фраза, найденная в Интернете: «Герой России Рамзан Кадыров в свое время обвинил другого Героя России, Сулима Ямадаева, в причастности к убийству своего отца, Героя России Ахмада Кадырова. Герой России Сулим Ямадаев убит в Дубае и по обвинению в его убийстве дубайская полиция объявила в международный розыск Героя России Адама Делимханова. Брат убитого Героя России, Руслан Ямадаев, тоже Герой России, ранее убит в Москве... Я, как внук Героя Советского Союза, <ничего> не понимаю...»¹³

---

¹³ <http://blog.fontanka.ru/posts/57254/> (1 июня, 2011).